

**РЕБОЛЬСКИЙ ПОГОСТ В XVI–XVIII вв.
САМООРГАНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО МИРА
И ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ КАРЕЛОВ:
ПОТЕНЦИАЛ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹**

Интегрирующая роль самоорганизации крестьянского мира явилась фундаментом для формирования этнокультурного ареала собственно карелов, для складывания южнокарельских и севернокарельских диалектов собственно карельского наречия карельского языка. Государственное административно-территориальное деление на местах изменялось под воздействием последовательной смены форм (парадигмы) волостной и церковно-приходской самоорганизации крестьянской поземельной общины. В наиболее развернутом виде данная парадигма выглядит так: первичная волость (и приход) – четверть – треть – половина – новая волость (и новый приход). Разбивка на приходы играла важную, но вспомогательную роль. Государственные власти и Церковь лишь узаконивали сложившиеся на местах волости и приходы – эти две универсальные формы крестьянской самоорганизации. В XVI–XVIII вв. именно на основе самоорганизации ребольских общин в устойчивую административно-территориальную общность Ребольский погост стали формироваться местные говоры и диалекты собственно карельского наречия, складывались ареалы их бытования.

Ключевые слова: приход, волость, самоуправление, староста, поземельная община, карельский язык, собственно карельское наречие, диалекты.

Один из наиболее интенсивных этапов этнической истории Карелии приходится на XVI–XVIII вв. Тогда на местах не только шли процессы внутреннего и внешнего освоения (колонизации) территории края, особенно на его севере, но и стали вызревать новые этнические общности. В центре этих этно-демографических процессов стояли карелы. В результате двух шведских интервенций конца XVI – начала XVII в. карелы стали массово покидать свою историческую родину в западном и северо-западном Приладожье (Корельский уезд России – Кексгольмский лен

¹ Исследование велось по госзаданию КарНЦ РАН (AAAA-A18-118030190093-9).

Швеции). Они переселялись в другие места, в том числе в другие районы российской Карелии, уже занятые или слабозаселенные как их соплеменниками карелами, так и вепсами, русскими и аборигенами Севера саамами. На новых местах проживания постепенно складывались и новые этнокультурные общности карелов. Наиболее ярко данный процесс воплощался в эволюции карельского языка. Так, в широкой полосе вдоль западной границы российской Карелии стали формироваться новые карельские волости, у жителей которых вырабатывались южнокарельские и севернокарельские диалекты собственно карельского наречия.

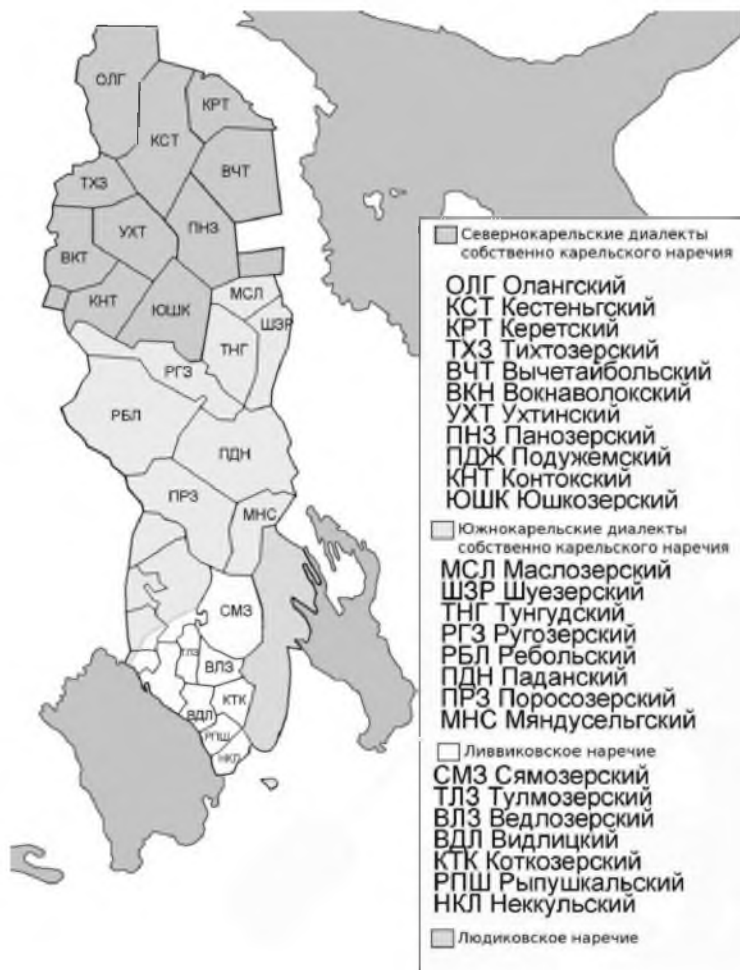
Лингвисты отмечают исключительное единство зоны формирования собственно карельского наречия в языковом плане. Вместе с тем ими выявлены и различия. Так, одна из принципиальных особенностей, различающая центральную и беломорскую Карелию, – это звонкость согласных на юге, которая имеет древнекарельские истоки, и глухость согласных на севере; особенность эта сформировалась в связи с притоком переселенцев из Кайнуу (шведская Финляндия) на территорию бытования так называемых беломорских говоров [Зайков 1987].

Кроме того, обрисовывая примерные ареалы бытования того или иного диалекта собственно карельского наречия, лингвисты сопрягают их со сложившейся к XX в. местной волостной структурой. В результате получается, что данные диалектные ареалы в основном совпадают с территорией волостей, в которых проживали их носители (карта 1).

Данные обстоятельства должны получить свою историческую интерпретацию. Прежде всего, для историка очевидно, что зона формирования местных диалектов собственно карельского наречия в основном совпадает с территорией *Ребольского погоста*, каким он постепенно складывался на протяжении XVI–XVIII вв. Погост этот, первоначально в виде *волости*, стал обособливаться от своего «отцовского» Иломанского погоста Корельского уезда в XVI в. Затем после шведской интервенции начала XVII в. волость осталась в составе России и получила полноценный статус погоста, будучи приписанной к Кольскому уезду (карта 2).

Земли Ребольского погоста простирались широкой и протяженной полосой от Лендер и Ребол на юге и до Вокнаволока, Ухты и Кестеньги на севере, вдоль границы со Швецией. По словам ребольских старожилов (1621 г.), погост протянулся с юга на север «верст на двесте, а инде и больше» [РГАДА 4: 62]. Именно здесь зародился и стал формироваться ареал бытования собственно карельского наречия. Но в начале следующего, XVIII столетия погост перешел в Олонецкий уезд, а в 1780-е гг., после образования Кемского уезда Архангельской губернии, северная часть погоста (Кимасозерская половина)

перешла в его состав. Здесь, на территории Беломорской Карелии, и сформировались окончательно севернокарельские диалекты (беломорские говоры) собственно карельского наречия; на южнокарельском ребольском диалекте говорили в олонецкой половине Ребольского погоста.

Карта 1. Наречия и диалекты карельского языка²

² За основу взята карта, подготовленная в рамках проекта «Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем» [Новак, Пенттонен, Руусканен, Сиилин 2019: 23].

Карта 2. Административное деление Карелии во второй половине XVII в.

На первый взгляд, обрисованный в общих чертах ход государственных административных преобразований и мог воздействовать решающим образом на формирование этнических общностей и особенностей их языка. Но мы далеки от такого умозаключения. Дело в том, что на Севере административно-территориальные реформы на местах шли «вслед за человеком»: они опирались на успехи крестьян в оседлом сельскохозяйственном и промысловом освоении огромных северных пространств, доселе почти не заселенных. Все крестьяне, в том числе карельские, являлись носителями ведущей формы традиционной самоорганизации феодального общества – соседской поземельной общины. Но при «обшении» крестьян с государством, прежде всего в сферах налогообложения («тягло»), военной повинности («посоха») и вероисповедания (церковная десятина), крестьянская община разветвлялась в следующие формы своего существования и самоуправления – это волость и приход.

Формы различись, но их социальный смысл был одной природы – это сплочение крестьянской общины – как перед Богом (предстояние в традиционной форме прихода), так и перед Государем (местное крестьянское самоуправление в узаконенной форме волости). И поэтому государственные власти, совершая административные преобразования, опирались на уже существующую на местах церковно-приходскую и волостную структуры крестьянской самоорганизации и его самоуправления. Например, они группировали волости в новые уезды или приписывали их к другим уездам; то же самое можно сказать о церковных приходах применительно к составу старых и новых епархий. Но сами церковно-приходская и волостная структуры сохранялись, поскольку брали свое начало в самоорганизации крестьянской общины. Вот почему формирование новых этнических общностей и говором их носителей ни в коем случае нельзя сводить к административно-территориальным шагам государства. Этноязыковые процессы всегда произрастали из форм самоорганизации местных сообществ, а не из администрирования со стороны.

Выбранный нами в качестве объекта исследования Ребольский погост дает особо наглядные примеры такой самоорганизации крестьянского мира, причем в динамике его различных форм на местах. За время существования погоста, помимо собственно волостей, тут имелись и их подразделения «четверти», и различные объединения волостей по группам («трети» погоста, «половины» погоста, даже «трети половины» погоста). Уже сами по себе данные формы эволюции территории местного крестьянского самоуправления являются достаточно непростым предметом исследования.

Методологически проблема становления этнических групп и языка их общения заключается в том, что две области знания – история и лингвистика – обычно следуют параллельно друг другу, не слишком пересекаясь сферами научных интересов. В самом деле, исторические исследования в данной области в основном изучают проблематику самоуправления, почти безотносительно этноязыковой стороны данного феномена [Богословский 1909, 1912; Швейковская 1997; Жуков 2013]. И наоборот, лингвисты преимущественно занимались проблематикой современного состояния этноязыковых общностей, пунктирно намечая эволюцию форм языка в прошлом; современное деление карельского языка на наречия и диалекты, которого придерживаемся и мы, предложено проф. П. М. Зайковым [Бубрих 1948: 42–50; Зайков 1987; Бубрих, Беляков, Пунжина 1997; Зайков 2000; Родионова, Нагурная, Чикина 2017].

Между тем изучение исторической роли самоорганизации крестьянского мира в складывании ареалов этноязыковых общностей носителей того или иного наречия и диалекта как раз и приводит нас к общему научному дискурсу. Чтобы не быть голословными, приведем весьма показательный пример схождения областей научных интересов историков и лингвистов. Он связан со складыванием олонецкой Тулмозерской волости – района проживания только одной языковой общности карелов – тулмозерских ливвиков.

Тулмозерская волость сложилась вокруг оз. Тулмозеро. Ее первопоселенцы пришли в обонежский Олонецкий погост из Соломинского погоста Корельского уезда. Об этом написано однозначно в их первой переписи 1563 г.: «владычные деревни на Туле-озере Соломенского погоста, а тянут к Олонцу», т. е. эти салминские выходцы платили «тягло» в Олонец [ПК 1563: 71]. Надо полагать, что переселенцы являлись носителями карельского языка «образца» XV–XVI вв. Тем не менее в 1930-х гг. Д. В. Бубрих зафиксировал на этой территории проживание исключительно носителей тулмозерского диалекта ливвиковского наречия карельского языка. В данном случае совершенно не важно, что здесь мы имеем дело с диалектом ливвиковского наречия, а не собственно карельского. Важно другое – принципиальное совпадение границ земель Тулмозерской волости с ареалом проживания носителей одного диалекта. Важно это потому, что исторические источники четко зафиксировали пути формирования Тулмозерской волости: от первого этапа – начала заселения пустовавших земель будущей волости – и до образования отдельной владычной Тулмозерской волости Олонецкого погоста.

Данный пример фиксирует четыре этапа становления волости, в которой зародился и стал развиваться этноязыковой процесс формирования тулмозерского диалекта ливвиковского наречия. Складывание волости заняло время конца XV и две трети XVI в. Этапы этого становления таковы: 1) первичное освоение территории – переселение карелов на пустующие места, поднятие сельскохозяйственных угодий и создание сети поселений: 33 деревни по переписи 1563 г.; 2) первичное объединение переселенцев в церковном отношении в собственный часовенный приход (в переписи 1563 г.: «*Да была деревня У часовни...*»); 3) с ростом благосостояния община строит и содержит церковь, священника и причт, т. е. превращается в полноценный церковный приход (продолжение текста 1563 г.: «*...а ныне поставлена церковь выставка Никола Чудотворец*»); 4) церковно-приходская общность этих «*владычных деревень на Тулмозере*» (1563 г.), контролировавшая местные земельные владения и промыслы, приобрела права самоуправления и как таковая была признана государством и церковным вотчинником уже в качестве самостоятельной Тулмозерской волости (1570–1580-е гг.) [ПК 1563: 73; Жуков 2013: 75]. Вполне естественно, что параллельно с этим процессом самоорганизации местного крестьянского мира в границах волости собственно карелы стали «превращаться», постепенно, в карелов-ливвиков.

Разумеется, эта эволюция языка происходила под воздействием контактирования носителей данной формы языка с соседями. В реалиях XVI–XVIII вв. интенсивность такого контактирования зависела напрямую от «веса» местного сообщества как среди соседей, так и в глазах властей – другими словами, являлось ли оно самостоятельной волостью и приходом. Если являлось, то его самоуправление имело право заключать с соседними волостями соглашения и обращаться по любому поводу к властям (например, слать жалобы-«челобитные» на имя Государя), и в назначавшихся разбирательствах (в суде) оно выступало самостоятельной стороной спора, равной соседям. Если же местное сообщество не имело статуса волости, то прямую власть над ним осуществляли старшее самоуправление всего погоста и самоуправление той волости, в которую данное сообщество входило. Если местное сообщество составляло отдельный приход с церковью, то ее священник осуществлял церковные таинства, включая таинство брака, что имело первостепенное значение для притока в волость девушек из соседних волостей – носительниц их говоров.

Приведенные примеры весьма четко показывают коренную связь складывания языковой общности с развертыванием церковно-приходской и волостной структур. Очевидно, что данная самоорганизация

крестьянских общин и являлась основой этноязыковых процессов, в том числе и у карелов. Подчеркнем, что языковые сдвиги не завершались окончательно в момент образования прихода и волости. Нет, этнокультурные общности лишь зарождались в ходе формирования приходов и волостей, а далее развивались параллельно с историческим бытием последних, в тесной взаимосвязи со всеми перипетиями местной истории. Потому что приход и волость – это не только наиболее устойчивые и повсеместные формы самоорганизации крестьянских общин в пространстве, но и наиболее универсальные способы их объединения во времени. А любому устойчивому и воспроизводимому веками локальному коллективу свойственна выработка однородного «культурного пространства», в том числе и единого для всех языка общения. Как и у других народов, у карелов такими формами общения стали наречия, а внутри их – диалекты, распадавшиеся на говоры. Общие ареалы их распространения как бы «вчерне», в основных границах совпадали с территориями волостей, как они постепенно складывались в XVI–XVIII вв., а в Приполярье – и в XIX в. Иными словами, формировавшиеся у карелов церковно-приходская и волостная структуры играли роль маркеров разворачивавшихся тогда же на местах этноязыковых процессов.

Конечно, в рамках каждого отдельного говора, тем более диалекта, наблюдается наличие языковых фактов, изоглоссов, форм, характерных для других говоров и диалектов. Северные карельские волости (Ребольского погоста, например) были малолюдны, поэтому приход в них, через семейно-брачные связи или переселение, носителей другого говора и диалекта мог серьезно повлиять на складывание местного говора.

Но у общего правила формирования этноязыковых общностей в пределах, главным образом, «своих» погостов, волостей и приходов имеется исключение. Оно возникало тогда, когда государство объединяло административно в одну волость районы проживания различных этнических групп, например, старожилов-людиков и новоприходцев-ливвиков. Так произошло в XVIII–XIX вв. с новой объединенной Мунозерской волостью, включившей в свой состав и старинную, известную с 1584 г. Мунозерскую волость (в которой в целом формировались людики), и ливвиковскую Пялозерскую, возникшую около 1707 г., видимо, в результате переселения сюда карелов-ливвиков из соседнего Сязозерья [РГАДА ПК 1584; РГАДА ПК 1707: 3–57]. Но данные исключения встречаются редко.

Изложенная гипотеза и создает совместное поле для исследований этноязыковых процессов историками и филологами. При этом задача историков заключается в том, чтобы описать и обосновать пути формирования устойчивых коллективов приходов и волостей (в документах с середины XIX в. – *сельских обществ*) как во времени (в хронологии и этапах), так и в пространстве (территориальное наполнение и границы). Задача же филологов, как представляется, состоит в применении методов ретроспекции для выяснения их постепенной эволюции к языку сложившихся к XX в. этнокультурных общностей.

В данной статье мы опишем первые этапы разворачивания самоорганизации северных общин карелов на примере Ребольского погоста XVI–XVIII вв. Именно на данной обширной территории от Лендер до Кестеньги и сформировалось множество диалектов собственно карельского наречия. Так, в ребольских волостях погоста (Реболы, Лендеры, Ровкула и Туласозеро) появился южнокарельский ребольский диалект этого наречия; Кимасозерская волость оказалась заселенной носителями южнокарельского ругозерского диалекта (в его западной половине). Большинство севернокарельских диалектов (шесть из семи) также строго «придерживалось» своих «одноименных» ребольских волостей: контоцкий складывался в деревнях Кондокской волости, вокнаволоцкий – в Вокнаволоцкой, ухтинский – в Ухтинской, кестеньгский – в Кестеньгской; уже за пределами временных границ исторического бытия Ребольского погоста, в XIX – начале XX в. (но на бывшей его территории), в новой Тихтозерской волости формировался севернокарельский тихтозерский диалект, а в новой Олангской волости – олангский диалект собственно карельского наречия карельского языка.

В данной статье мы проследим пути складывания церковно-приходской и волостной структуры всех волостей Ребольского погоста в XVI–XVIII вв. По необходимости будут прослежены административные изменения в смежных с ним Ругозерском и Панозерском погостах округа Лопских погостов Новгородского (затем – Олонецкого, позже – Повенецкого) уездов. В Панозерском погосте формировались переходные диалекты собственно карельского наречия – панозерский и юшкозерский, а его западная окраина (район Ухта – Луусалма на оз. Среднее Куйто) перешла к ребольской Ухтинской волости. Вместе с тем складывание Вычетайбольской и Подужемской волостей вотчинного округа Соловецкого монастыря (здесь формировались севернокарельский вычетайбольский диалект собственно карельского

наречия и переходный подужемский диалект) останется вне нашего внимания, поскольку уже было представлено в отдельной статье [Жуков 2016].

***

Оформление территории Ребольского погоста начиналось в самом начале XVI в., с селения Реболы Иломанского погоста Корельского уезда. Из Платежной книги уезда 1571 г. известна дата основания деревни Реболы – 1509/10 г.: «Лета 7018 порядили дьяки Александр Обрезок и Иван Сумарок в Задней Кореле на Волошской наволок в Лексо-озеро Олиска да Куземку в деревне Реболы в Ыломанском погосте», а всего 7 *луков* (хозяйств) [Самоквасов 1909: 346–396; Жуков, Кораблев, Макуров, Пулькин 1999: 4–5]. Отметим, что район Реболы – Лендеры принадлежит водному бассейну озер Иломанского погоста, соединяясь с ними двумя речными системами: Лиексанйоки – Лендерка – Сула – на озеро Лексозеро – и Лиексанйоки – Лужма (Тула) – на озеро Тулос. Именно география продиктовала маршруты первичного сельскохозяйственного освоения ребольских земель и в целом включение их в состав территории Иломанского погоста.

Через два года, в 1511/12 г., в ребольские места пришла жить на пустовавших государевых землях («на черном лесу») «не письменных луков переvara не великого князя 8 сох» [Самоквасов 1909: 381–387]. Проясним смысл цитаты. Перепись Корельского уезда 1500 г. еще не отмечала Ребол среди «письменных луков» (зафиксированных писцом) – поселений Иломанского погоста, его переvar и хозяйств (дворов). Следовательно, новые, «не письменные луки... не великого князя» в Реболах – это карельская община-*переvara* в 24 хозяйства (8 сох: в сохе 3 *лука*-хозяйства), которая переселилась из-за шведской границы. Как раз в 1510 г. в Новгороде было заключено 60-летнее перемирие со Швецией [РИБ 1897: 51–54], что открыло возможность карелам переселяться из шведской Карелии на русскую сторону, в том числе в Корельский уезд.

Платежная книга 1571 г. отметила ребольские деревни *слободой*, т. е. поселениями, освобожденными от части налогов (или с льготным налогообложением): «Дер. На Словушском озере в Ровтозере... В Реболе» [Самоквасов 1909: 381–387]. Под первой деревней следует понимать селение на Ровкульском озере, связанном протоками с Лексозером (через Торосозеро). Современное название Ровтозера – Roukkulanjärvi, озеро Ровкульское, оно буквально означает «озеро деревни Ровт(д)а». Последнее

наименование вполне карельское: как известно, самый южный из погостов Корельского уезда назывался Ровдужским, поскольку имел своим центром селение *Ровда на озере на Ровде* (в дальнейшем финнизированное – *Рауту*) [ПК 1500: 76–119]. Возвращаясь к названию Ровтозеро, отметим, что уже в переписи 1678 г., когда селение стало центром волости, оно называлось *Волость Рохкула*, а сама волость фиксировалась тремя способами: *Ровкульская*, *Рохкульская* и *Рухкульская* (см. ниже); несомненно, основы двух последних записанных по-русски названий отразили переходные формы к современному карельскому наименованию озера.

Таким образом, карельское сельскохозяйственное освоение захватило уже и более северные земли *Ребольской волости*. Мы не случайно назвали Реболы 1570-х гг. волостью. Платежный документ Новгородской епархии «Книга сбора подъезжей пошрины» 1576/77 г. помещает волость Реболы Иломанского погоста в состав Корельской десятины епархии, фиксируя в ней церковь Рождества Богородицы: «Из Задние Корелы из Оломанского уезду с Лешай-озера с Колманского наволока из Ребол с выставки от Рожества Пречистые у попа Ивана взяти подъезда 2 гривны и 2 денги, то и за куницу» [КСП 2011: 40 (текст), 194, 196 (карты-схемы), 202 (идентификация)]. Особенностью лексики источника является стойкое употребление термина *уезд* применительно к погосту, в котором центральная – *становая* – церковь имела подчиненную церковь окраинной волости, последняя и называлась *выставкой*, т. е. церковью, *выставочной* от становой.

По существу, приходское устройство копировало внутреннее устройство тогдашних погостов и их местного самоуправления. В каждом погосте выделялись центральные, наиболее (и раньше других) заселенные земли, во главе со «старшим» самоуправлением всего погоста. Но имелись и окраинные волости, со своим волостным самоуправлением, которое подчинялось «старшему» самоуправлению погоста. При этом «старшее» самоуправление выбиралось в «старших» (центральных) поселениях погоста, «младшие» волости к выборам старшего самоуправления погоста не допускались. В свою очередь, данное традиционное устройство крестьянского мира опиралось на не менее традиционное устройство крестьянской семьи с его старшими и младшими членами и подчинением младших решениям старших.

Традиционное иерархичное устройство было характерно и для всей средневековой русской государственности, в том числе для аристократической республики Великого Новгорода. Еще летописец Лаврентий писал под 6684 (1176) г. о вечах *пригородов волостей* и их подчинении старшим вечам удельных столиц: «Новгородци бо изначала, и Смоляне, и Кыяне

[и Полочане], и вся [их] власти, яко на дому, на веча сходятся: на что же стареишии сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть»³ [ПСРЛ 1997: стб. 377–378]. Летописец Лаврентий не зря сравнивает вечевые порядки с домашним укладом («яко на дому»): незыблемая иерархичность пронизывала все традиционное общество снизу доверху – от семьи до крестьянского мира, горожан, поместной церкви, наконец, самого государства.

Именно такая ситуация традиционной иерархичности отмечена в Иломанском погосте с его Ребольской волостью: ребольская приходская церковь во имя Рождества пресв. Богородицы являлась выставкой от становой Ильинской церкви Иломанского (в источнике «Оломанского») погоста. С Пречистинской выставки, конечно, шли небольшие сборы в пользу иломанской становой Ильинской церкви, но новгородский источник 1576/77 г. фиксирует не их, а подати – подъездную пошлину и благословенную кунцу – в «софийскую казну», т. е. в пользу новгородского архиепископа. Владыка возглавлял *Дом св. Софии* – Новгородскую епархию (по названию собора во имя Софии, премудрости Божьей – главного храма Великого Новгорода; и вновь иерархию, соподчиненность в Церкви обозначает термин *Дом*). В таком случае ребольская Пречистинская церковь как бы возглавляла саму Ребольскую волость, внутри которой, напомним, уже существовало подчиненное Реболам селение Ровт(д)а на Ровтозере – будущий центр Ровкульской (Рохкульской, Рухкульской) волости Ребольского погоста Кольского уезда.

В 1580 г. шведы оккупировали Корельский уезд, но завоевать Реболы им не удалось. Видимо, пользуясь русской писцовой и платежной документацией из захваченного города Корелы (Кексгольма), они составляли свои платежные книги, например, в 1590 г. – «*Manttaledhaff Kexholms Lhännro Anno 1590*». В книге значились причитавшиеся налоги даже с тех земель уезда, которые шведы так и не смогли захватить. Это *Repåla* (Репола – Реболы) в 140 дымов и *Salmi* (Салми – Соломенский погост) в 426 дымов [ИК 1987: 282].

Неудачи шведов в Реболах и Салми объяснялись, во-первых, отчаянным партизанским сопротивлением местных жителей, а во-вторых, тем, что в Реболах русские успели построить небольшую крепость-острог. Именно ее имел в виду Тязинский мир – русско-шведский мирный договор от 18 мая 1595 г., когда обязывал стороны отправить «межевых послов» для проведения линии государственной границы. Она проводилась на трех участках возвращенных России Корельского уезда и устья Невы:

---

³ Здесь: пригороды – это городские центры окраинных волостей, а волости (в тексте: власти) – области удельного государства.

1) от устья Сестры-реки до Помольской четверти, 2) от нее до *Реполы-города*, который находится на русской стороне, и 3) от *Реполы* через Лапландию до Ледовитого океана [ЖМВД 1840: 354].

Острок в Реболах появился на завершающем этапе Ливонской войны (рубеж 1570–1580-х гг.), когда центральное правительство озаботилось созданием прочной цепи крепостей в северном приграничье. Она протянулась от нового Кольского острога на юг – к Соловецкому острогу (к концу XVI в. – уже каменному Соловецкому кремлю), далее стояли Сумской острог, затем Ругозерский острог, потом Ребольский острог, и замыкали ее на Ладоге вновь укрепленные крепости городов Корелы и Орешка.

Мирная жизнь приграничной волости вновь прервалась в 1611 г., во время Второй шведской интервенции в Россию. 7 сентября 1611 г. воевода Сумского острога направил протест шведским властям в связи с разорением Ребол и других карельских селений. Протицируем его, отметив курсивом деревни Ребольской волости: «повоевали по имяном мест волость *Реболу, Ровкулу, Чолку, Котва-озеро, Тюжно, Ловушостров, Лендеру, Вонгоры, Кимасозеро, Юшкоозеро, Сопасалму*. И в тех деревнях многих русских людей [т. е. подданных России. – А. Ж.] побили, а иных в полон взяли, а иные от того вашего разгрому разбежались розно» [ААЭ 18362: 244; Шаскольский 1950: 153–154]. Не все из этих ребольских селений стали центрами новых волостей в XVII в. – ими выступили лишь Реболы, Ровкулы, Лендеры, Колвасозеро (в источнике: Котва-озеро) и Кимасозеро.

По Столбовскому миру 1617 г. шведы на столетие закрепили за собой Корельский уезд, кроме Ребольской волости, поскольку в 1621 г. между Россией и Швецией произошло пограничное размежевание, по которому Реболы достались России [РГАДА 4: 1–62]. Их приписали к Кольскому уезду (1620 г.). По источникам – «отбойным записям» (протоколам о неподчинении ребольцев новгородским властям) за 1628 г. – новый ***Ребольский погост*** состоял уже из четырех волостей – Ребольской и трех новых: Лендерской (к югу от Ребол), Ровкульской (к северу от Ребол) и Кимасозерской (к северу от Ровкулы) [Якубов 1897: 285–287; Карелия в XVII в. 1948: 35–36].

Следовательно, к этому времени карелы не только продвинулись на север по склонам Западно-Карельской возвышенности, но вокруг новых стационарных поселений Лендеры, Ровкулы и Кимасозера создали три новые волости с подчиненными уже им деревнями. Обратим внимание на то, что если волости Реболы, Лендеры и Ровкулы занимали земли

западных склонов Западно-Карельской возвышенности, то последняя, Кимасозерская волость лежала на ее восточных склонах. Этот значимый переход через океанический водораздел открыл ребольским карелам путь к крестьянскому освоению Приполярья.

По своему административно-территориальному устройству бывшая Ребольская волость Иломанского погоста Корельского уезда действительно стала полноценным погостом: она уже включала и «старшую» Ребольскую волость, и три окраинные («младшие») волости. Кроме того, к 1678 г. к западу от Ребол, у самой государственной границы, выделилась новая Колвасозерская волость [РГАДА ПК Кол 1678: 121об.–128об.]. Несомненно, рост численности ребольцев происходил не только за счет естественного прироста населения, но и по причине переселения сюда карелов, бежавших из Кексгольмского лена Швеции (бывшего Корельского уезда России) от шведских притеснений.

О продолжавшемся после 1621 г. заселении Ребольского погоста приладожскими карелами (даже несмотря на пограничное размежевание со Швецией) свидетельствует «извет» (донос) жителя лопского Селецкого погоста Федора Филиппова на лендерцев (не ранее 12 января 1628 г.). Федор жаловался, что его отец купил в соседней Лендерской волости Ребольского погоста сенокосы, но теперь лендерцы, во главе со старостой волости, их у него, Федора, отняли и передали во владение карелам, бежавшим из шведского Корельского уезда; и данная практика приема беглецов-соплеменников и наделения их угодьями являлась вполне обычным делом повсюду в приграничных ребольских волостях, – доносил властям Федор Филиппов [РГАДА 1].

Кольская перепись Ребольского погоста 1678 г. зафиксировала состав деревень, входивших в эти волости, вполне к тому времени оформившиеся территориально. При этом несомненно, что Реболы и примыкавшие к ней три волости (Лендерская, Колвасозерская и Ровкульская) уже тогда составляли вполне определенное единство: после описания собственно Ребольской волости (с приходской церковью на центральном месте – погосте) следовала фиксация этих трех волостей, которые в переписи названы *четвертями*. Ясно, что данные три *четверти* (волости) и главная Ребольская составляли для переписчика некую единую территорию, иначе теряется смысл названия волостей четвертями.

Между тем все деревни Кимасозерской волости в четвертную структуру не вошли. А кроме того, все остальные, более северные карельские селения Ребольского погоста Кольского уезда, уже вставшие к 1678 г. в широкой полосе восточных склонов и подошвы Западно-Карельской

возвышенности вплоть до Приполярья, писец не объединил между собой не только в четверти, но даже и в волости. Наконец, особняком записаны два саамских *погостишка* у Пяозера на самой северной окраине погоста [РГАДА ПК Кол 1678: 97–155об.].

Главная, собственно Ребольская волость состояла из центрального поселения «Погост Ребалской» с церковью и 8 деревень: «Того ж Ребалского погоста Муезерская деревня» (ныне часть пгт Муезерский), «вновь поселились в Омельяновой деревни» (ныне Емельяновка), Волость Тужняя (Тужня, район оз. Тужинское), Волость Челка (ныне Челки), деревня Видра (или Вирда? в районе оз. Торосозеро), деревня На Гавкострове (ныне Гафостров), «вновь поселились деревнею В Воиж-наволоке» (р-он оз. Вожьярви), деревня Пляк-наволок.

Лендерская волость (четверть) объединяла земли девяти деревень: «Лендерские четверти Волость На Кимовараке» (ныне Кимоваара), «вновь поселились На Бобровой вараки», деревня Сулая (ныне Сулоостров), Волость На Ло-острове (на оз. Лоут), «вновь поселились в деревне В Аймогубе (живет староста волости Калинка Сергеев – на оз. Аймоозеро), Волость Мендера (ошибка, должно быть «Лендера»; ныне Лендеры), «вновь поселились В Соломи-деревни» (там же), «Волость вновь поселились В Кипе-наволоке».

Новая Колвасозерская волость-четверть включала пока три деревни: «Колвасозерской четверти Волость Колвасозерская (живут волостные староста Марчко Григорьев сын Алексеевых и целовальник Митка Тимофеев сын Пебоев, – ныне Колвасозеро), Волость На Туле-вараки (ныне Тулос) и деревня Струна (на оз. Струналампи, около Колвасозера).

Наконец, Ровкульскую (Ро [Ру] хкульскую) четверть составляли земли четырех деревень: «Рохкульские четверти Волость Конец острова» (живет староста Потапка Никулин сын Рыброев, – ныне Конецостров), «Тое ж Рухкульские четверти... Волость Рохкула» (Ровкула), деревня Лузенга (район оз. Лузенги), «Тое ж Рохкульские четверти деревня Муезерская» (ныне часть пгт Муезерский) [РГАДА ПК Кол 1678: 97об.–134об.].

Единство в глазах кольского переписчика всех четырех ребольских волостей (четвертей) подкреплялось «географическим» единством их территорий (юго-западные склоны Западно-Карельской возвышенности). В свою очередь, приведенные обстоятельства помогают прокомментировать диалектную карту Ребольского погоста. Дело в том, что *на территории Ребольской, Лендерской, Колвасозерской и Ровкульской волостей (четвертей) сформировался единый южнокарельский ребольский диалект собственно карельского наречия* (карта 1). Анализ ребольской

переписи 1678 г. показывает, что жители четырех южных волостей в XVII в. постепенно начинали объединяться в некое территориальное единство, которое и подчеркивает употребленный писцом термин *четверть*. В будущем XVIII в. все они слились в единую новую Ребольскую волость, а в следующем XIX в. ее жители получили общее для всех их название *Ребольское сельское общество*. С нашей точки зрения, они являлись уже носителями южнокарельского ребольского диалекта. Но ареал его бытования зародился в XVI в., его формирование усилилось в XVII в. и особенно в XVIII в. в объединенной волости Олонецкого уезда (губернии). И напротив, Кимасозерская волость погоста впоследствии вошла в орбиту бытования южнокарельского ругозерского диалекта собственно карельского наречия. Приведенные языковые факты объяснимы, если внимательно присмотреться к географической и административной картам и «наложить» на них сведения исторических источников, выясняя связь Ругозера как с Кимасозером, так и с Паданами.

Прежде всего, остановимся на истории ребольской Кимасозерской волости. Между озерами Большим Ровкульским и Кимасозером водораздел сворачивал на северо-запад и уходил в шведскую Финляндию, в «Каяниборскую» и «Олувскую» (Кайнуу и Оулу) провинции Шведского королевства. Поэтому жившим в России карелам при освоении северных земель не оставалось другого выхода, кроме как перейти водораздел и заселять уже восточные (беломорские) склоны возвышенности. И действительно, географическое местоположение новой Кимасозерской волости весьма примечательно – это бассейн беломорской реки Кеми, к которой вел прямой водный путь из волости: оз. Кимасозеро – р. Пертийоки – оз. Нюк – реки Растас и Хяме – р. Чирко-Кемь – р. Кемь. Но у Кимасозера начиналась и вторая водная трасса, которая шла на северо-запад, параллельно водоразделу Западно-Карельской возвышенности. Это путь из Кимасозера по р. Луве в оз. Лувозеро, а от него по р. Каменной – в оз. Каменное у государственной границы; с юго-востока к Каменному примыкало небольшое оз. Минозеро, а в Лувозеро с севера впадает р. Контокки, которая вытекала из оз. Контоккиярви.

Вместе с тем на р. Чирко-Кемь и далее на запад от нее уже в XVI в. стояли самые западные селения Ругозерского погоста, который входил в округ Лопских погостов Новгородского уезда. По сведениям «Книги сбора данных и оброчных денег» с тяглого населения Лопских погостов 1587/88 г., кроме самого центра Ругозерского погоста с округой, на западе погоста существовали селения «В Пижмалахте, и в Чиркоме, и в Таско-озере» [ИК 1987: 179–185]. Пизмолакшу мы соотносим

с деревней Пизмогуба на северном берегу оз. Нюк. Чиркома – это деревня Чирко-Кемь (ныне урочище) напротив устьев рек Растас и Хяме. Таско-озеро – это Тикша на Тикшезере (к востоку от р. Чирко-Кеми).

Сведения Дозорной книги Лопских погостов 1597 г. подтверждают данную идентификацию: на западе погоста указаны волостка (здесь: небольшое поселение, деревня) Тикша, а к западу от нее – волостки Пизмолакша на Нокозере и На Ноко ж озере в Иванкове наволоке [ИК 1987: 207]. Так что и платежная книга 1586/87 г., и Дозор 1597 г. вполне определенно доказывают продвижение ругозерцев на запад от р. Чирко-Кеми, на оз. Нюк. по крайней мере, во второй половине XVI в. (как минимум, если не ранее).

Активность ругозерцев подкреплялась и тем, что не позднее 1570-х гг. они уже составляли Преображенский (Спасский) приход, отдельный от паданского Никольского. Вместе с тем ругозерцы проживали пока в пределах обширного лопского Паданского погоста, оставаясь его Ругозерской волостью. Эти важные сведения содержит Приходная книга Дома св. Софии (Новгородской епархии) 1576/77 г.: подъезжая пошлаина архиепископу из Заонежской десятины (куда входили и Лопские погосты) бралась также «С Лопи из Николского уезда с Пандеги из Ругозера с выставки из Ругозерской волости у преображенского попа Ивана» [КСП 2011: 46, 194, 196 (карты-схемы), 197 (идентификация)]. Оказывается, к тому времени волость являлась северной окраиной Паданского погоста (или «уезда», по терминологии данного источника). Волость уже имела Преображенскую церковь, являвшуюся выставочной от становой Никольской церкви в Паданах.

В «Приходной» 1576/77 г. Паданы названы «Пандегой», а в «Данной» 1587/88 г. – «В волости Пандани» [КСП 2011: 46; ИК 1987: 181]. Этот паданский «куст деревень» расположился у протоки из оз. Панозеро в оз. Сегозеро. Ныне эта протока признается самым нижним течением р. Лужмы, которая протекает сквозь Панозеро и впадает в Сегозеро. Но, видимо, первоначально данная протока из оз. Панозеро и называлась рекой Пандегой. Зафиксированная ситуация вполне объяснима: продвигаясь из Падан на север (через Ондозеро), переселенцы в первую очередь осваивали ругозерские места и берега р. Чирко-Кеми, поэтому «выставочная» связь с Паданами долго не прерывалась. Очевидно, что не только постройка Ругозерского острога, выдержавшего осаду шведского отряда около 1578–1579 гг. [АСМ 1990: 140; Новикова 2001: 252], но и церковно-приходская самоорганизация ругозерцев помогли им приобрести статус полноценного погоста к 1597 г.

Вместе с тем статус ругозерской церкви как выставки от становой паданской и само нахождение волости в составе Паданского погоста почти

до конца XVI в., видимо, и объясняют наличие явных следов паданского диалекта в говоре ругозерцев. Кроме того, расположенная на полпути между Паданами и Ругозером Ондозерская волость в XVII–XVIII вв. твердо оставалась в составе Паданского погоста. Поэтому в конце концов ареал южнокарельского ругозерского диалекта распространился на Ондозерскую волость, но местный говор испытывал здесь постоянную подпитку из паданских говоров.

Наличие церкви давало Ругозерскому приходу действительную возможность влиять на близлежащие земли, которые не имели еще собственных приходов в своих селениях, в том числе закрепляться на них. Данное явление мы наблюдаем в Кимасозерской волости. Конечно, в самом начале своей истории Кимасозеро являлось селением ребольских крестьян, иначе оно не вошло бы в Ребольский погост. Но также очевидно, что в дальнейшем эта ребольская «волна» с юга на север была перекрыта «волной» ругозерского освоения: с юго-востока на северо-запад, вплоть до оз. Каменного и примыкавшего к нему с юго-востока оз. Минозеро. И в целом если взглянуть на этноязыковую карту, то селения носителей ругозерского диалекта протянулись узкой полосой с юго-востока на северо-запад: от деревни Ондозеро на оз. Ондозеро через Ругозеро и Тикшу и, перейдя р. Чирко-Кемь, на озера Нюк и Ледмозеро, Кимасозеро, Лувозеро, Каменное и Минозеро. Иными словами, в своей западной половине ругозерский диалект распространялся как раз вдоль двух водных маршрутов: длинного – от р. Чирко-Кеми на северо-запад к оз. Каменному (и Минозеру) – и короткого – по примыкавшей к оз. Нюк с юга небольшой водной системе р. Пижма – оз. Ледмозеро – оз. Няугярви – р. Няугу (приток р. Чирко-Кеми, немного к югу р. Хяме).

Кстати, несмотря на то что по данным Четвертой ревизии 1782 г. главное поселение на этом втором пути деревня Ледмозеро входила в состав Кимасозерской половины Ребольского погоста [НА РК 1: 76об.], в XIX в. она перешла в Ругозерский погост Повенецкого уезда и, например, по ревизии 1838 г. принадлежала *Ругозерскому мирскому обществу* [НА РК 2]. Интересно также, что еще южнее линии Тикша – Ледмозеро, по р. Муезерке ругозерский говор так и не распространился, поскольку данный путь оказался «перекрытым» двумя селениями с одноименным названием «Муезерская деревня», которые принадлежали, как писалось выше, Ребольской и Ровкульской волостям – в них шло образование ребольского диалекта собственно карельского наречия.

О раннем проникновении ругозерцев на приграничные ребольские земли говорят источники за 1620-е гг. В «Списке перебежчиков по сыску Ивана Ушакова и подьячего Богдана Воломского» 1627/28 г. отмечены

не только *латыши* (здесь: лютеране) из шведской Финляндии, но и местные крестьяне, во дворах которых они поселились. Так, «Список» указывал, что Гейкейко Педоруев, латыш, по-русски Малафейко, с семьей, из Калиборского уезда (Кайнуу) Палдомолского погоста вышел в 1625/26 г. в Кимасозерскую волость, живет у крестьянина Ивана Рогача; Пажейко Оллуев, латыш, по-русски Павелко, из Олуйского уезда (Оулу) вышел в 1625/26 г. в Кимасозерскую волость, живет у крестьянина Ивана Рогача; Кристьянко Миккилеев, латыш, по-русски Осипко, с семьей, из Шаванского городка (Савонлинна) Коинского погоста вышел в 1625/26 г. в Кимасозерскую волость, живет у крестьянина Степанка Самойлова [РГАДА 3: 378–379].

В «Списке» дважды фигурирует Иван Рогач. Известно, что род Рогачей – Рогачевых происходил из ругозерской Тикши. Иван Степанов сын Рогач в 1597 г. являлся тикшинцем, и в ряду других волостных «лучших людей» он участвовал в составлении Дозорной книги 1597 г. [ИК 1987: 189, 207]. Староста Тикши Иван Рогачев – Роккаччу – возглавлял ополчение Лопских погостов, остановившее продвижение шведского отряда полковника Андреаса Стюарта в бою под Сапосалмой в 1611 г. [Шаскольский 1950: 88–104]; очевидно, отмеченный в 1627/28 г. Иван Рогач – либо он сам, либо его сын. Имя второго фигуранта «Списка» Степанка Самойлова совпадает с именем другого тикшинца из Дозора 1597 г.: «Оксентейко да *Степанко Самуйловы* дети» [ИК 1987: 207]. Вполне возможно, что Степан также перебрался в Кимасозеро, как и Иван Рогач.

Имя Ивана Рогача фиксирует и другой источник, за 1628 г. Тогда кимасозерский крестьянин Патрикей Васильев сын Лерицын жаловался на кимасозерского старосту Первого Клементьева сына Доркова и крестьянина Ивана Рогача. Из жалобы следует, что староста нанял за шведским рубежом «немцев», т. е. шведских подданных, а Иван Рогач сдал в аренду им свой местный рыбный промысел; кроме того, сын Ивана Калинка, вместе с этими «немцами-наймитами», вел рыбный промысел и был застигнут за этим занятием попом Ругозерского погоста Савватием; чтобы отвлечь следствие, Дорков и Рогач написали на Патрикея донос, будто бы это он сдал в аренду шведским наемным работникам свой промысел [РГАДА 3: 384–385об.].

Кроме Ивана Рогача, обращает на себя внимание имя старосты Кимасозерской волости. Дело в том, что в Дозоре 1597 г. вместе с Иваном Рогачем участвовал и другой ругозерец – Климентий Дорофеев. Он был жителем Ругозера, главного селения Ругозерского погоста: «Клементейко Дорофеев, да дети ево *Первушка* да Нечайко» [ИК 1987: 187, 206].

Несомненно, что кимасозерский староста Первый Клементьев сын Доркова являлся Первушкой 1597 г., сыном Климения Дорофеева (фамильное прозвище Дорков происходит от имени деда старосты – Дорофея, оно известно по отчеству его отца – Дорофеев).

Между прочим, к 1678 г. представители рода Дорковых поселились и в самом центре Ребольского погоста, в Реболах [РГАДА ПК Кол 1678: 97–100]. Конечно, сам по себе данный факт не представляется значительным, но в ряду многих других он хорошо иллюстрирует общее языковое единство собственно карельского наречия.

Напомним, что Кимасозеро фигурировало в списке разоренных шведами в 1611 г. ребольских деревень. Но, если селения южного, «ребольского куста» волостей-четвертей были возрождены самими ребольцами, то, видимо, на отдаленное Кимасозеро их сил уже не хватило. Именно поэтому ругозерцы не только возрождали соседнее Кимасозеро, но ругозерец П. К. Дорков даже возглавил волостное самоуправление, а ругозерский спасский священник Савватий (а не ребольский пречистенский) кормил местную паству.

В свете доказанных ругозерско-кимасозерских связей нам представляется вполне естественным, что в переписи 1678 г. в составе Кимасозерской волости Ребольского погоста фигурирует новое поселение: «вновь поселились В Нотеешши-деревни» [РГАДА ПК Кол 1678: 137–137об.]. По переписи 1726 г. это деревня На Геуксы на устье реки Ногеукши [РГАДА ПК 1726: 558–558об.], что позволяет связать ее однозначно с нынешним урочищем Большой Ногеус у самого устья протоки из Кимасозера в ругозерское оз. Нюк («Нокозеро»). Из освоенных территорий, где формировался ругозерский диалект (говор) собственно карельского наречия, в 1678 г. были зафиксированы уже и «государева деревня Волость Лувозерская» на оз. Лувозеро (в водной системе следующее после Кимасозера вверх озеро), и «государева деревня Волость Минезерская», т. е. Минозеро, причем последняя на тот момент составляла отдельную небольшую волость со своими старостой и целовальником. В переписи 1678 г. также отмечена «государева деревня Костомозерская волость», т. е. Костомукша [РГАДА ПК Кол 1678: 138–140]; впрочем, в будущем она оказалась в зоне формирования севернокарельского контокского диалекта собственно карельского наречия (см. ниже).

Наконец, по сведениям переписи 1726 г. все эти территории подверглись объединению в одну большую Кимасозерскую волость в составе пяти поселений: Волость Кимасозерская на Кимас-озере, На Геуксы на устье реки Ногеукши, Коштомукша на Коштомо-озере, На Луво-озере, На Мино-озере [РГАДА ПК 1726: 556–560об.].

Таким образом, к началу второй четверти XVIII в. основные территории, на которых складывался ругозерский диалект в его западной половине (с сильным влиянием ребольского диалекта), получили административно оформленное объединение в виде отдельной волости (самоорганизации крестьянского мира) Ребольского погоста. Найденное совпадение состава (и границ) деревень ребольской Кимасозерской волости с западными границами распространения ругозерского говора с юго-востока на северо-запад в данном районе (от Тикши к озерам Каменному и Минозеру) приводит к выводу о том, что складывание в течение века обширной Кимасозерской волости шло параллельно с продолжением формирования ареала ругозерского диалекта собственно карельского наречия. Объединение этих окраин в единую волость, несомненно, должно было лишь усиливать данный этноязыковой процесс. Активизировало его и нахождение кимасозерских волостных жителей в XVII – первой половине XVIII в. в составе ругозерского спасского прихода. Безусловно, это создавало еще одно поле для постоянного общения прихожан как внутри ребольской Кимасозерской волости, так и с лопским Ругозером (центром прихода).

Очевидно, что в целом на формирование ареалов диалектов собственно карельского наречия в пределах Ребольского погоста повлияло и дальнейшее административно-территориальное развитие края, которое сопровождалось новыми объединениями и разъединениями погостов и волостей. В 1709 г. были образованы первые губернии, и Кольский уезд вошел в состав новой Архангелогородской губернии. Но в ходе тогдашней Северной войны со Швецией (1700–1721 гг.) в 1715 г. весь Ребольский погост изъяли из ведения Колы и Архангельска и приписали в управление Канцелярии Петровских заводов Олонецкого уезда; ребольские крестьяне влились в новое сословие приписных крестьян. Когда в 1725 г. приписку к заводам отменили, Реболы остались в Олонецком уезде [Жуков, Кораблев, Макуров, Пулькин 1999: 10].

Сразу после отмены приписки к заводам олонечких крестьян приписали к рекрутской повинности – поставлять новобранцев в Санкт-Петербургский комендантский Фаменцин полк, в связи с чем была проведена новая перепись 1726 г., в том числе и Ребольского погоста. В переписи четко обозначена та новая административно-территориальная «цепочка», которой Реболы «пристегивались» к новому государственному управлению Российской империи: Санкт-Петербургская губерния, Олонецкая провинция, Олонецкий уезд, Лопские погосты. Так впервые Реболы попали в управление уездного города Олонца – через

традиционно принадлежавшие ему Лопские погосты, в чей состав и вли-ли весь Ребольский погост чисто административным решением.

Но этого мало. Из подлинной «Книги переписной гвардии полковника Михаила Яковлевича Волкова Санкт-Петербургской губернии Олонецкой провинции, Олонецкого уезда приписанных погостов и волостей к Санкт-Петербургскому комендантскому Фаменскому полку» 1726 г. следует, что по этой новой переписи волости названы уже не четвертями, а *третьями*. А именно, южные волости именуются, по порядку: Ребольская треть (объединяла деревни бывших Ребольской и Ровкульской волостей-четвертей), Лендерская треть, Колвасозерская волость, Кимасозерская треть. Затем перепись 1726 г. начинала фиксировать Вокнаволоцкую треть... Тут текст обрывается, конец переписи утрачен [РГАДА ПК 1726: 560об.–561об.]. По логике, три трети (Ребольская, Лендерская и Кимасозерская) – это целое. Но тогда «повисают в воздухе» приграничная Колвасозерская волость и Вокнаволоцкая треть.

Думается, можно предложить иную трактовку обрывочных сведений, привлекая материал Второй ревизии 1748 г., которая знает уже самую северную в Ребольском погосте Елетозерскую треть [РГАДА ПК 1748: 973–976об.] (подробнее о ней см. далее). Если предположить, что в 1726 г. самые северные ребольские деревни уже объединялись в Елетозерскую треть, то восстанавливается логика деления обширного погоста на трети. А именно, гипотетически мы имеем дело с *неформальным разделением всего погоста на две половины* (но пока без названий таковых): южную половину составляли Ребольская и Лендерская трети и Колвасозерская волость, а северную – трети Кимасозерская, Вокнаволоцкая и «не сохранившаяся» из-за обрыва текста 1726 г. Елетозерская треть.

Вторая ревизия также не отмечает официально половин, но уверенности нашей гипотезе о ранней группировке ребольских волостей по «половинам» погоста de-facto, пока без оформления данной новации государством de-jure, придают развернутые сведения генеральных описаний Третьей ревизии 1762 г. и Четвертой ревизии 1782 г.

В Третью ревизию приграничный Ребольский край получил официально новое внутреннее административное деление на *Погостскую половину* – волости во главе с Реболами – и *Кимасозерскую половину* с центром в Кимасозере. Но нас больше всего интересует не данное административное образование, а внутренняя самоорганизация крестьянского мира, его самоуправления, поскольку именно на данной основе на местах разворачивались этноязыковые процессы. И действительно, источники фиксируют наличие в *половинах старост*. Так, известен староста

Кимасозерской половины в 1766 г. Тогда он доносил о разбойнике, который коротал свои дни в тюрьме в шведском Кайнуу, но до этого был известен тем, что своровал рожь у крестьян из кимасозерской Костомукши [Илюха, Антощенко, Данков 1997: 22]. Поэтому мы можем сделать вполне обоснованный вывод о том, что разделение Ребольского погоста на половины носило не только чисто административный характер, а опиралось на сложившуюся самоорганизацию крестьянского мира.

Четвертая ревизия 1782 г. проводилась незадолго до создания Олонецкой губернии и Кемского уезда. В эту ревизию переписчик впервые твердо объединил все теперь уже бывшие собственно ребольские волости (четверти, трети) в единое целое под одним названием Погостская половина Ребольского погоста [НА РК 1: 1–63]. Таким образом, в ходе Четвертой ревизии упразднилось внутреннее деление на волости (четверти, трети) всей этой территории, лежащей на ребольских юго-западных скатах Западно-Карельской возвышенности. На территории этой половины и сформировался окончательно ареал бытования ребольского диалекта.

В то же время Кимасозерская волость сохранилась под уже известным нам названием Кимасозерская половина Ребольского погоста. Она состояла из 11 деревень, перечислим их: Кимасозерская волость, Ногукса, Новопоселенная над Кимасозером Фоминострв, Ледозеро, Лувозеро, Минозеро, Бабья Губа, Нимагуба, Контока, Костомукса и Кенгозеро [НА РК 1: 65–89]. А деревни более северных волостей Четвертая ревизия 1782 г. группирует в трети (подробнее см. ниже).

Как нам представляется, именно на материалы Четвертой ревизии и опирался администратор, разграничивая территории нового Олонецкого наместничества (губернии) и Кемского уезда Архангельской губернии. В 1784 и 1785 гг. земли Погостской половины Ребольского погоста (бывшие Ребольская треть, Лендерская треть и Колвосозерская волость) остались в составе Олонецкой губернии, а Кимасозерская половина (бывшая Кимасозерская треть) и остальные слабозаселенные тогда северные земли погоста вошли в новый Кемский уезд Архангельской губернии. При этом граница между губернией и уездом в данном районе прошла по южным границам Кимасозерской волости, т. е. по самому водоразделу Западно-Карельской возвышенности и далее на восток – по северным границам Ругозерского погоста, оставшегося за губернским Петрозаводском. Так селения носителей формировавшегося ругозерского диалекта собственно карельского наречия оказались поделенными между двумя губерниями. В то же время все носители формировавшегося ребольского диалекта остались в пределах Повенецкого уезда Олонецкой губернии, будучи

объединенными в Погостскую половину, которая по результатам Четвертой ревизии лишилась внутреннего деления на волости.

Итак, именно данное сложившееся к середине XVIII в. деление большого Ребольского погоста Кольского уезда на Погостскую и Кимасозерскую половины – в рамках традиционной общинно-волостной самоорганизации крестьянского мира, во главе с институтом старост, – и послужило основой для последующего государственного административного разделения земель этого погоста на южную, олонекскую часть (вошли в Повенецкий уезд Олонекской губернии) и северную, кемскую часть (вошли в Кемский уезд Архангельской губернии). Безусловно, деление погоста на две половины явилось результатом длительного процесса освоения западнокарельских территорий, а затем приобрело и этноязыковое звучание. Весь изложенный материал позволяет выдвинуть гипотезу о том, что зарождение южнокарельских ребольского диалекта относится к XVI в., а ругозерского (в ребольских пределах) – к XVII в.

Напомним: ближние к Реболам волости находились в одном географическом районе юго-западных склонов Западно-Карельской возвышенности, и все эти окраинные волости прямо граничили с юга, запада и севера с самой Ребольской волостью – «старшей» волостью всего погоста, которая «вчерне» сложилась уже в XVI в. В перепись 1678 г. все они составляли вполне определенное единство (четыре четверти) в рамках волостной самоорганизации крестьянского мира. Таким образом, ясно устанавливаются не только географическое единство данной территории, но и устойчивая тенденция к объединению местных селений: от наличия отдельных волостей Ребольского погоста в первой половине XVII в. к промежуточному состоянию четырех четвертей во второй половине XVII в. и далее в направлении создания единой административной единицы Погостской половины в середине – второй половине XVIII в., которая продолжала свое бытие в рамках все той же традиционной самоорганизации крестьянского мира (далее мы отметим факт наличия в половине общего для нее старосты). Новая единица *половина* заменила собой прежнюю волостную структуру и тем самым стерла ее внутренние межволостные границы. В дальнейшем, уже в XIX – начале XX в. Погостская половина получила наименование *Ребольская волость*; она входила в состав Повенецкого уезда Олонекской губернии. Именно на территории Погостской половины, затем новой Ребольской волости губернии и проживали носители ребольского диалекта собственно карельского наречия карельского языка, который и зафиксировали исследователи-лингвисты в XX в.

Четко устанавливается очевидная связь между объединительной административной тенденцией (первичная волость – четверть – треть – половина погоста – новая волость) и этническим процессом вызревания ребольского диалекта. При этом напомним, что все эти административные преобразования прямо опирались на этапы внутренней эволюции, самоорганизации крестьянского мира, его самоуправления, включавшего церковно-приходское устройство и институт выборных старост и целовальников. Поэтому для нас совершенно очевидно, что процесс формирования южнокарельского ребольского диалекта, его ареала шел параллельно административному складыванию по этапам: изначальная Ребольская волость – Ребольский погост – ребольские четыре четверти – ребольские трети – Ребольская половина погоста – новая Ребольская волость Олонецкой губернии.

Данный поступательный административно-территориальный процесс разделения/объединения каждый раз фиксировал внутреннее состояние, уровень самоорганизации местного крестьянского сообщества. Безусловно, данное движение привело в конце концов к созданию весьма определенного единства крестьянского коллектива, которое в государственной документации середины XIX в. и получило наименование Ребольское сельское общество. В свете приведенных данных нам представляется совершенно невероятным, чтобы формирование южнокарельского ребольского диалекта началось только со времени фиксации государством Ребольского сельского общества (местной поземельной общины). Наоборот, фиксация эта как бы «узаконила» длительный процесс вызревания диалекта и его ареала в ходе предыдущей трехвековой истории церковно-приходской и волостной самоорганизации ребольской крестьянской общины. Именно данное поступательное, поэтапное развертывание институтов крестьянского самоуправления, а не последующая административная фиксация данных форм в ходе переписей и привело в итоге к формированию устойчивого единства – Ребольского сельского общества носителей ребольского диалекта собственно карельского наречия.

Следовательно, установленные нами этапы административного процесса *в рамках самоорганизации крестьянского мира* являются **маркерами** этноязыкового процесса формирования ребольского диалекта. Соответственно, обнаруженную исследованием **парадигму, т. е. формы последовательно изменявшейся административной конструкции**, мы можем применить и при изучении формирования северных диалектов собственно карельского наречия у карелов, проживавших

в XVII–XVIII вв. в приполярных районах российской Карелии, в пределах обширного Ребольского погоста.

Но для этого прежде всего кратко опишем соседей беломорских карелов – панозерцев. Очевидно, что для панозерцев языковые последствия имело расформирование к 1748 г. их церковного прихода. Панозерский погост утратил собственную церковь, а прихожане его двух волостей, Панозерской и Юшкозерской, влились в состав ругозерского прихода [РГАДА ПК 1726: 527–538об.; РГАДА ПК 1748: 898–917об.; РГАДА ПК 1749: 66об.–67]. Видимо, усилившиеся связи с Ругозером повлияли и на язык панозерцев. Современные исследователи считают панозерский и юшкозерский диалекты переходными формами между диалектами севернокарельскими и южнокарельскими, ругозерским говором прежде всего [Зайков 2000: 27].

Разумеется, как таковые Панозерская и Юшкозерская волости уже давно существовали, и общие приходские дела (включая семейно-брачные отношения) лишь усилили их длительные связи с соседним Ругозерским погостом. Но другой причиной «переходности» их диалектов выступила смежность проживания панозерцев и особенно юшкозерцев с носителями формировавшегося севернокарельского ухтинского диалекта. Ухтинская волость, кстати, зародилась в составе Вокнаволоцкой волости (трети) Ребольского погоста, а, став самостоятельной волостью, Ухта унаследовала и западнопанозерские деревни (подробнее об этом см. ниже). Сами Юшкозерская и Панозерская волости в 1785 г. вошли в состав Кемского уезда Архангельской губернии, что дополнительно облегчило им связи с носителями формировавшихся севернокарельских диалектов.

На время правления императора Павла I (1796–1801 гг.) Олонецкое наместничество (губернию) упразднили. Но с воцарением Александра I, в 1802 г. Олонецкая губерния возродилась. Губернскими реформами конца XVIII – начала XIX в. история большого Ребольского погоста, собственно, и заканчивается. Но мы еще почти ничего не сказали о складывании волостей и севернокарельских диалектов собственно карельского наречия в Беломорской Карелии. Перейдем к рассмотрению данных процессов, помня об установленной ранее парадигме административно-территориальных форм.

Возрождение Олонецкой губернии в 1802 г. сопровождалось небольшими территориальными изменениями. Одно из них – вхождение Кимасозерской волости (но уже без Костомукши) в ее состав. И у этого шага властей имелись свои внутренние предпосылки на местах. Как указывалось ранее, Кимасозерская волость действительно тяготела и к Ребольскому

погосту, и к Ругозерскому погосту и по составу населения, и по своему языку. Видимо, Ругозерский погост, всегда твердо оставаясь частью Лопских погостов в составе Новгородского уезда (затем – Олонецкого, позднее – Повенецкого), смог перетянуть близких к нему кимасозерцев в «свою» Олонецкую губернию, кроме Костомукши и Контокки.

Но и последнему факту находится объяснение. Уже к концу XVIII в. Костомукша и ближняя к ней Контокки (Кондапская) принадлежали Ильинскому приходу более северной Вокнаволоцкой волости: сохранилась запись ее приходского священника С. М. Камкина 1793 г. о своих ильинских прихожанах, в том числе костомукшанах и контокцах [Илюха, Антощенко, Данков 1997: 23]. Так церковно-приходская самоорганизация крестьянского мира Вокнаволока и прилегающих территорий постепенно привела к тому, что Костомукша с Контокки наконец отделились от Кимасозерской волости и в начале XIX столетия на более чем полвека вошли в Вокнаволоцкую волость Кемского уезда.

Самые северные земли Ребольского погоста впервые были переписаны в 1678 г. Их нахождение именно в его составе не оставляет сомнения в том, что первыми оседлыми жителями этих северных мест являлись выходцы из более южных ребольских земель, которые подняли местные угодья и тем самым присоединили их к природным ресурсам крестьянской общины Ребольского погоста. Со старых и новых земель и тягловцов государство принялось взимать налоги в счет общих ребольских податей. Сумму же налогов с ребольцев государство определило традиционно – переписью. Ко всему прочему, составление переписи 1678 г. означало, что власти признали факт появления новых ребольских деревень на Севере и включили в состав Ребольского погоста не только новые поселения, но и обширную территорию, на которой располагались владения ребольских переселенцев.

В дальнейшем подселение к северным ребольцам выходцев (в разных пропорциях) из других земель, в том числе из Финляндии, приводило к новшествам в формировавшихся севернокарельских диалектах, но оно никак не влияло на изменение территории погоста. Еще раз напомним, что решительное отделение волостей Беломорской Карелии от Ребол произошло только с упразднением государством Ребольского погоста на рубеже XVIII–XIX вв., в связи с созданием Кемского уезда и Олонецкой губернии.

А пока, по крайней мере, с XVII в. севернокарельские земли послужили территориальной базой для зарождения и формирования шести севернокарельских диалектов собственно карельского наречия: контоцкого, вокнаволоцкого, ухтинского, кестеньгского, тихтозерского и олангского;

волости носителей этих диалектов вошли в Кемский уезд, объединились в его пределах. В Костомукше и ближайшей к ней Контокки развивался контокский говор, хотя административно обе деревни еще в 1782 г. входили в состав Кимасозерской волости (но в Вокнаволоцкий приход), в которой в целом формировались говоры южнокарельского ругозерского диалекта.

Ареалы распространения перечисленных северных диалектов собственно карельского наречия карельского языка Беломорской Карелии оказались практически «привязанными» к своим «одноименным» волостям, как они складывались: начало вызревания новых северных волостей относится к XVII в., а их полное территориальное оформление – к XIX в.; дальнейшее их существование длилось вплоть до советской административной реформы местного самоуправления второй половины 1920-х гг. (повсеместный переход к схеме «сельсовет – район»).

Отметим, что большинство северных волостей не отличалось многолюдством. В данных условиях языковые особенности, привнесенные выходцами из других земель в результате переселения или семейно-брачных отношений между жителями разных волостей, должны были сохраняться достаточно долго на уровне отдельных деревень и даже семей. Поэтому, кстати, лингвисты отмечают здесь такое явление, как пестрота этих особенностей, например, когда языковые изогlossы, характерные для территории одной волости, могут встречаться в других. Следовательно, и здесь мы имеем дело с параллельным процессом складывания волостей и формирования их диалектов и говоров, как это было проанализировано на примере ребольского «куста волостей» и становления южнокарельского ребольского диалекта, а также истории лопского Ругозерского погоста и ребольской Кимасозерской волости в сравнении с ареалом бытования южнокарельского ругозерского диалекта. Поэтому нам остается установить хронологию процесса, начальные этапы.

Начнем с Вокнаволоцкой волости. «Дело о грабежах» 1620 г. зафиксировало самое северное из известных тогда карельских ребольских поселений Вокнаволок, расположенное на подошве беломорских склонов Западно-Карельской возвышенности, на оз. Верхнее Куйто. Через озера Среднее и Нижнее Куйто у Вокнаволока имелся выход на р. Кемь. 19 августа 1620 г. староста лопского Панозерского погоста Новгородского уезда сообщил в Новгород о приходе шведских посланцев «в порубежную волостку Колского уезда на Куйто-озеро в Вокнаволок» – они сообщили о грабежах на шведской стороне приграничья; в ходе разбирательства в том же августе выяснилось, что ходили грабить за рубеж «Колского уезда и с Куйто-озера из Вокнаволока» [РГАДА 2: 393–398].

К 1678 г. это поселение-волостка уже стало центром новой «волости Окнаволоцкой», со своим самоуправлением, в составе четырех деревень: Волость Окнаволоцкая (живет целовальник Якушка Павлов сын Ремшуев), деревня Ладвозерская (ныне Ладвозеро, на оз. Нижнее Ладво), деревня Ювалакша (у начала протоки из оз. Верхнее Куйто в оз. Среднее Куйто – живет староста Федка Иванов сын Тиликов) и деревня Ухта (очевидно, на западном берегу устья р. Ухты, в отличие от панозерской волостки Ухта на восточном берегу устья; ныне это часть рц Калевала) [РГАДА ПК Кол 1678: 142–146].

Неудивительно, что из-за такой территориальной обширности – от западной государственной границы за озерами Ладво до устья р. Ухты на востоке – первичная Вокнаволоцкая волость повлияла не только на складывание собственно вокнаволоцкого диалекта, но и на формирование других волостей и диалектов вокруг себя. Мы уже отметили Костомукшу и Контокки (в 1678 г. Колдокуская), которые были «перетянуты» в состав Вокнаволоцкой волости через церковно-приходскую структуру. По существу, в XVII – начале XIX в. в Беломорской Карелии Вокнаволоцкая сыграла почти такую же интегрирующую роль церковно-приходского и волостного центра, как и приходской и волостной центр Реболы при создании первичной Ребольской волости XVI – начала XVII в.

Из собственно будущих вокнаволоцких селений перепись 1678 г. отметила пока не входящими в ее волостную структуру отдельную деревню Воница (живет целовальник Васка Иванов сын Горкоев; ныне Войница), а из контоцких деревень – саму Колдокускую деревню (Контокки), деревню Костомозерская волость (Костомукша) и деревню Волость Бабыя Губа (на оз. Каменном, ныне урочище) [РГАДА ПК Кол 1678: 138–140, 148–150об.]. Напомним, что если в Вокнаволоке, Войнице и Ладвозере складывался севернокарельский вокнаволоцкий диалект, то в Контокки, Костомукше и Бабыей Губе – контоцкий.

Локальная рекрутская перепись 1726 г. обрывается на констатации наличия в Беломорской Карелии объединительного образования Вокнаволоцкой трети во главе с «дворцовой деревней Волость Вокнаволоцкая на Куме-озере» [РГАДА ПК 1726: 560об.–538об.]. Перепись Второй ревизии 1748 г. знает Кимасозерскую волость (5 деревень: Кимасозерская волость, Ногекса на устье реки, Коштамукша, Лувозеро, Минозеро), Вокнаволоцкую треть (6 деревень: Вокнаволоцкая волость на Куме-озере, На Кеняс-озере, Ювалакша, На Куйто-озере, На Рего-озере, Ухта на Куйто-озере) и Елетозерскую треть (7 деревень: Елетозеро, Кестенга, Ледмозеро, Кетозеро, Амалахты, Уквозерская

волость, Туловарака) [РГАДА ПК 1748: 959–964об., 965–972об., 973–976об.]. Наконец, во время Третьей ревизии 1762 г. данный корпус волостей (третей) и деревень составил Кимасозерскую половину Ребольского погоста. При этом, повторим, вполне логично звучит определение «треть»: Кимасозерская половина состояла из трех частей – Кимасозерской волости, Вокнаволоцкой трети и Елетозерской трети.

Еще через двадцать лет, в 1782 г., Четвертая ревизия зафиксировала значительно увеличившуюся по составу деревень большую Вокнаволоцкую волость, которая (что важно) писалась уже отдельно не только от Погостской половины, но и от Кимасозерской половины. Теперь она включала 19 поселений: Вокнаволоц, На Кенясозере (ныне урочище Кенасозеро, немного к западу от Вокнаволока), Новопоселенная Ценанаволоц (Кенанаволоц) на Кенясозере (на оз. Кенас, не сохранилась), Новопоселенная Пертигуба на Куйтозере (ныне Пирттигуба), Новопоселенная Мелкая Губа на Куйтозере (Матола-лакши, ныне развалины), Ювалакса (Ювалакша), На Куйтозере на устье реки Войницы (Войница, Вуонине), На Регозере (ныне Регозеро), Ухта на Куйтозере (рц Калвала), Елетозеро (ныне не сохранилась), Кестеньга, Сенное Озеро (Сеннозеро, ныне не сохранилась), Новопоселенная Хлебный Наволок на Тикшезере (на мысе Хлебнаволоц на оз. Тикшеозеро, ныне не сохранилась), Войкула на Лувозере (Гямей, ныне Хяме на оз. Вайкульское), У Ладвозера (ныне Ладвозеро), У Каменного Озера (ныне Каменное озеро), У Сундозера (ныне Суднозеро), Поньгуба (ныне Поньгуба), Новопоселенная у Нимозера (Нюшкозеро, Нишкозеро, Нишко-ярви у оз. Кенас?, ныне не сохранилась) [НА РК 1: 91–128об.].

В свете волостного деления Кемского уезда во второй половине XIX – начале XX в. и наших знаний о соответствующей ему разбивке собственно карельского наречия на севернокарельские диалекты, в данном списке значатся только селения будущих вполне сформировавшихся волостей: Вокнаволоцкой, Ухтинской и Кестенгской, которые были населены носителями одноименных диалектов. А именно, из вышеприведенного списка на карте волостей Кемского уезда 1908 г. [ККУ 1908] показаны:

– Вокнаволоцкая волость, включавшая село (волостной пункт) Вокнаволоц (с приходской церковью), деревню Кенасозеро, село Войницкая (с приходской церковью), село Ладвозеро (с приходской церковью), Каменное озеро, Сундозеро; а из не существовавших при Четвертой ревизии 1782 г. – деревни Ринуярви (на юго-востоке волости.

на оз. Койвас – ныне развалины) и Камети (на северо-востоке волости, ныне урочище Каменная Гора на оз. Мягиярви у государственной границы);

– Ухтинская волость включала село (волостной пункт) Ухта (с приходской церковью), село Ювалакша (с приходской церковью) и деревни Регозеро и Войкула. Из не значившихся в 1782 г. деревень: на юге волости – Алозеро (на оз. Алаярви – протоке между озерами Верхним и Средним Куйто); Ломозеро (ныне не сохранилась); на северном берегу оз. Ср. Куйто – Калгалакша (ныне Куусиниemi) и Нурмилакша (ныне бараки); на протоке из между озерами Средним и Нижним Куйто – Лусалма (Лусолма, Лушалма, ныне Луусалма); на северо-востоке волости – Пещера (на оз. Шомбозеро, ныне не сохранилась);

– Кестенскую волость составляли село (волостной пункт) Кестеньга (с приходской церковью), деревни Елеть-озеро и Сеннозеро. Но большинство селений волости к 1782 г. еще не основали: на юге волости – это село Логоварака (Варакуля, с приходской церковью, на оз. Варакуля на р. Логоварака, ныне на сохранилась, но, видимо, ему наследует Хаппа, немногим к востоку от оз. Варакуля) и деревня Кизрека; на северном берегу оз. Топозеро – деревни Коккосалма и Софьянское Устье (Софьянская, ныне Софпорог); немногим к западу – деревни Тунгозеро и Кябель (Капяли на оз. Кябьяль (оз. Купозеро), не сохранилась); на восточном берегу Топозера – деревни Нильмогубская (Нильма-губа, Нильма-Лыхте, ныне изба Нильмагуба) и Логогубская (Лох-губа, Лохлакши, ныне Лохгуба); еще к востоку, на оз. Кереть (Куккуре-озеро) – деревня Пиньгосалма (ныне развалины); от него на северо-запад, на полпути к Елеть-озеру – деревня Большеозеро (Большое озеро на оз. Большое Северное, ныне развалины); наконец, на севере волости – деревня Притчи (на острове Кайгас оз. Тикшезеро, ныне изба) и на самом севере – деревня Нотозеро (на островах Листвяных на Нотозере – Княжегубское водохранилище, ныне не сохранилась).

Следовательно, ребольская Ухтинская волость брала начало в вокнаволокских поселениях XVII в. Ухта и Ювалакша. Впоследствии же новая Ухтинская волость, которую зафиксировала карта Кемского уезда 1908 г., вобрала в свой состав и другие территории: она состояла из бывших земель не только Ребольского погоста Кольского уезда, но и северо-западного конца бывшего Панозерского погоста Новгородского уезда и юго-западной окраины бывшего вотчинного округа Соловецкого монастыря, который существовал с 1590-х по 1760-е гг. (с 1784 г. его земли вошли в Кемский уезд).

Кстати, кемляне, вместе с шуеречанами, около 1530 г. в челобитной на имя великого князя Василия III утверждали, что западная граница их волостей доходит до «рубежа каянских немещ», т. е. до шведских владений в Финляндии [СГГД 1813, 1: 436–437]. При образовании Соловецкого округа в 1591 г. была составлена «Отдельная книга», в которой описывалась его новая граница. В частности, в данном районе она шла так: 1) от Софпорога к р. Вондеге (р. Войница; сравни: Паданы – р. Пандега); 2) затем по озеру Верхнему Куйто к протоке между озерами Верхним и Средним Куйто – «реке Ене»; 3) по протоке Ене и через оз. Среднее Куйто на север, к устью р. Ухты, а от устья – на восток к оз. Шомбозеро. При этом составитель книги утверждал, что на первом участке округ граничил с «лешими лопарями», т. е. с проживавшими по лесам саамами, на втором – *суземьем* (по общим владениям)⁴ с саамами и панозерцами, а на третьем – *суземьем* с Панозерским погостом [Материалы 1941: 319–327]. Карта-схема реконструкции этой вотчинной границы опубликована [Жуков, Ляля 2012: 77].

Таким образом, для ситуации на 1591 г. о ребольских карелах и их волостях в Беломорской Карелии говорить еще не приходится: берега озер Куйто были поделены между кемлянами Соловецкого округа, панозерскими карелами и саамами. По нашим материалам, напомним, первое свидетельство даже о Вокнаволоке относится к 1620 г. Думается, Соловецкий монастырь лишился западных вотчинных окраин в результате мощного Соловецкого восстания 1668–1676 гг. Но сами земли отошли к Ребольскому погосту потому, что его крестьяне из Вокнаволока уже поставили на вотчинной земле деревни Войницу, Ювалакшу и Ухту. Параллельно шло освоение и западнопанозерских окраин («суземья»).

Еще ко Второй ревизии 1748 г. Юшкозерская волость Панозерского погоста («по сказке» старожилов 1745 г.) состояла из шести деревень: На Кеме-реке (это само Юшкозеро), Сапосалма, Лусалма на Куйто-озере, Ухта на Ухто-озере [так в тексте], На Олозере, Шомбозеро [РГАДА ПК 1748: 905–915об.]. Смежность владений юшкозерских панозерцев и вокнаволоковцев (затем ухтинцев) привела к тому, что четыре из шести юшкозерских деревень (Луусалма, Ухта, Алозеро и Шомбозеро) влились в Ухтинскую волость, по данным Четвертой ревизии 1782 г.

Напомним, что панозерцы потеряли статус церковного прихода, влившись в ругозерский спасский приход. А на Куйто-озере стояла ребольская (вокнаволоковская) Ухта, дворы и земли которой лежали чересполосно

---

⁴ Другой смысл термина *суземье* – неудобные для распашки земли – зафиксирован в более южных, русских районах Карелии.

с дворами и землями панозерской Ухты. Видимо, переход всей Ухты под контроль Вокнаволока и произошел все-таки через церковно-приходскую структуру: сначала ухтинцы, и жители других трех юшкозерских деревень стали прихожанами вокнаволоцкого Ильинского прихода (к Ильинской церкви лежал прямой путь по воде). Поэтому прихожане вокнаволоцкой церкви и стали для ревизоров 1782 г. жителями Вокнаволоцкой волости.

По существу, к концу XVIII в. сложился основной корпус главных селений будущей Ухтинской волости XIX в., которая охватывала берега озер Среднего и Нижнего Куйто и в которой сформировался севернокарельский ухтинский диалект собственно карельского наречия. Но ядро волости начало складываться гораздо ранее, еще в XVII в. Кольская перепись 1678 г. зафиксировала деревню Рогозерскую волостку (в будущем ухтинское Регозеро), в которой проживал староста Ивашка Петров сын Луккуев [РГАДА ПК Кол 1678: 151–152]. Между тем тогда в Вокнаволоцкой волости был свой староста Федор Иванов сын Тиликов, который проживал в деревне Ювалакша [РГАДА ПК Кол 1678: 141об.]. Поэтому следует признать, что само наличие рогозерского старосты свидетельствует о начале волостной самоорганизации ухтинцев, которая и завершилась в XIX в. выделением Ухтинской волости из состава Вокнаволоцкой волости. Несомненно, данный процесс протекал в традиционных рамках самоорганизации крестьянского мира ухтинцев. Процесс этот имел и этноязыковую сторону в виде складывавшейся ареальной общности носителей ухтинского диалекта.

Анализ показывает, что из трех названных волостей территория Кестенгской волости сформировалась позже всех: именно здесь мы находим наибольшее число селений, не существовавших еще при Четвертой ревизии 1782 г. Тем не менее истоки Кестенгской волости также находятся в XVII в. Уже в кольской переписи Ребольского погоста 1678 г. два самых северных карельских селения обозначены так: «Волость Елетезерская», в которой проживают, в частности, староста Ивашко Никулин и целовальник Ивашка Пянтелеев, а также: «Тое ж волости вновь поселились В Кистелги-губе». Другими словами, старейшим поселением будущей Кестенгской волости являлось Елетезеро, со своим волостным самоуправлением, у которого появилась уже подчиненная волостная деревня Кестеньга; в конце описания помещен общий итог по волости: 10 дворов, в них 10 крестьян и еще 24 взрослых человека и 16 недорослей м. п. [РГАДА ПК Кол 1678: 152–153].

Переписная документация Ребольского погоста XVII–XVIII вв. ничего не говорит о карельских поселениях в будущих Тихтозерской и Олангской волостях XIX в. Так, кольская перепись 1678 г. заканчивается

описанием не деревень, а двух саамских стационарных поселений: «Лешие Лопи крещеных лопарей погостишек», которые состояли не из дворов, а из саамских полуземлянок-*веж*: «Лопской Пяозерской погост» (в веже староста Тимошка Иванов) и «Лопской Орьеозерской погост» (в веже староста Ротка Шареев) [РГАДА ПК Кол 1678 153об.–155]. Это земли вокруг оз. Пяозеро будущей Олангской волости.

Очевидно, активное заселение этих самых северных окраин бывшего Ребольского погоста началось только в XIX в., когда туда начали пробивать сухопутные дороги. Причем, обратим на это внимание, пути шли не из лежащих к югу от них Вокнаволоцкой или Ухтинской волостей, а из прилегавшей к ним с востока Кестенгской волости. Эти три тракта сходились все вместе в деревне Паанаярви Великого княжества Финляндского [ККУ 1908]. Поэтому можно предположить, что заслуга в освоении Тихтозера и Оланги принадлежит не только кестенгским крестьянам, но и выходцам с севера Финляндии.

Итак, мы рассмотрели динамику и этапы развертывания церковно-приходской и волостной структур Ребольского погоста XVI–XVIII вв. по каждой волости и их объединениям. Мы нашли, что в основе данных процессов лежали не собственно административные усилия государства, а интегрирующая сила самоорганизации крестьянского мира. Государство, проводя переписи, в основном узаконивало складывавшееся на местах положение вещей. Повсюду – и на юге погоста, и на его севере – проявлялась весьма определенно и настойчиво **объединительная тенденция** самоуправления и следовавшего за ней государственного администрирования. Она выражалась в установленной нами концептуальной парадигме, т. е. формах последовательно изменявшейся административной конструкции. В наиболее развернутом виде для собственно Ребольского погоста она выглядит так: XVI в. – изначальная Ребольская волость и приход во имя Рождества пресв. Богородицы; начало XVII в. – Ребольский погост; середина – вторая половина XVII в. – ребольские четыре четверти; первая половина XVIII в. – ребольские трети; середина – вторая половина XVIII в. – Погостская (ребольская) половина погоста; конец XVIII – начало XIX в. – новая Ребольская волость Олонецкой губернии. Данная модель соответствовала развертыванию структур самоуправления в олонецкой половине Ребольского погоста.

На севере, в ребольской части Беломорской Карелии, на территории Кимасозерской половины погоста данная парадигма форм оказалась короче: она не прошла стадию волостей-четвертей; становление ее «ядра» – Вокнаволоцкой волости – относится к началу – середине

XVII в.; переписи второй трети зафиксировали Кимасозерскую половину, состоящую из трех частей (третей). С окончательным отделением Кимасозерской волости в состав Олонецкой губернии в результате губернских реформ конца XVIII – начала XIX в., обширная Вокнаволоцкая волость предстает перед нами Ильинским приходом и объединением крестьянских общин четырех известных по истории XIX в. волостей – Контокской, Вокнаволоцкой, Ухтинской и Кестенгской (Елетьозерской). Наконец, в середине XIX в. произошло окончательное выделение из нее земель Тихтозерской и приполярной Олангской волостей. Таким образом, выявленная исследованием волостная и приходская парадигма описывает также конструкцию и хронологию эволюции форм самоорганизации крестьянских общин северных (беломорских) карелов.

Именно на основе самоорганизации крестьянских коллективов земельных общин и складывались отдельные, устойчивые общности жителей. Данные объединения принимали две универсальные формы: прихода как традиционного предстания общины Богу и волости, т. е. узаконенных взаимоотношений с государством, главным образом, на волостном уровне. Поэтому зарождавшиеся постепенно южнокарельские, переходные и севернокарельские диалекты собственно карельского наречия карельского языка, ареалы их бытования следовали за эволюцией волостного деления Ребольского погоста за все время его существования в XVI–XVIII вв., т. е. они складывались сообразно динамике объединения/разграничения в ходе самоорганизации крестьянского мира. Как представляется, приходское объединение в данном общем процессе играло в целом важную, но подчиненную роль. В **интегрирующей силе консолидации** и заключается главное значение крестьянского мира как для формирования новых языковых общностей у карелов, так и для хода этнокультурных процессов в историческом Ребольском крае в целом.

Источники

ААЭ 18362 – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографического экспедицией имп. Академии наук. СПб.: Тип. 2 отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. 2.

АСМ 1990 – Акты социально-экономической истории Севера России конца XV – XVI вв. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1990. Акты Соловецкого монастыря. 1572–1584.

ЖМВД 1840 – Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1840. № 9. С. 342–362. Тязинский мирный договор (современный перевод со шведских подлинников, присланных из шведского Государственного архива в 1827 г.).

ИК 1987 – История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asikirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvulta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1987. Т. I. С. 179–185. Книга сбора данных и оброчных денег с тяглого населения Лопских погостов 1587/88 г.; С. 186–233. Дозорная книга Лопских погостов 1597 г.; С. 265–283. Переписная книга Корельского уезда 1590 г. / Manttaledhaff Kexholms Lhännprou Anno 1590.

Карелия в XVII в. 1948 – Карелия в XVII в. Сборник документов / Под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948.

ККУ 1908 – Карта Кемского уезда Архангельской губернии / Сост. А. Е. Ивановский // Издание Архангельского губернского статистического комитета. Архангельск, 1908. Приложение 5.

КСП 2011 – Приходная книга новгородского Дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга софийской пошпины») / Сост. И. Ю. Анкудинов, А. А. Фролов. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011.

Материалы 1941 – Материалы по истории Карелии XII–XVII вв.: Сборник документов / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1941.

НА РК 1 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Д. 9/58. Л. 1–128об. Ревизские сказки государственных крестьян Повенецкого уезда Ребольского погоста Погостской, Кимасозерской половины и Вокнаволоцкой волости, 1782 г.

НА РК 2 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 44. Д. 106/1049. Л. 1–262. Список о числе крестьян в окладе состоящих с показанием перемен с 1838-го по 1842 годам о волостях и обществах по новому их разделению.

ПК 1500 – Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 [1500] г. Корела с уездом // Временник имп. Московского общества истории и древностей Российских. М.: В Университетской тип., 1852. Кн. 12. Материалы. С. 1–188.

ПК 1563 – Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. // Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / Материалы по истории народов СССР / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Вып. 1. С. 57–254.

ПСРЛ 1997 – Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1997. Т. 1.

РГАДА 1 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 27. Приказ тайных дел. Оп. 1. Д. 18. Л. 146. «Извет» Федора Филиппова, не ранее 12 января 1628 г.

РГАДА 2 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 96. Сношения со Швецией. Оп. 1. 1620 г. Д. 1. Л. 393–398. Дело о грабежах, 1620 г.

РГАДА 3 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 96. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 378–379. «Список перебежчиков по сыску Ивана Ушакова и подьячего Богдана Воломского», 1627/28 г.; Л. 384–385об. Дело о «немцах-наймитах», 1628/29 г.

РГАДА 4 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 96. Оп. 3. Д. 34. Л. 1–62. «Межевая запись» русско-шведской границы, 3 августа 1621 г.

РГАДА ПК 1584 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Поместный приказ, вотчинная канцелярия, вотчинный департамент. Оп. 3. Петербургская вотчинная контора. Д. 16932. Л. 162–248об. Писцовая книга дворцовых Заонежских погостов 1584/85 г. Леонтия Аксакова и Афанасия Жеребятичева. Фрагмент. Подлинный список 1586–1591 г.

РГАДА ПК Кол 1678 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15056. Л. 97–155об. Переписная книга Кольского уезда карельских Ребольских волостей стрелецкого головы Кольского острога Ивана Власова сына Старцова, 1678 г.

РГАДА ПК 1707 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8579. Книга переписная Олонецкого уезду переписи Алексея Федоровича Головина да Андрона Васильева Апрелева, 1707 г.

РГАДА ПК 1726 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 2370. «Реестр определенным на оный Санкт-Петербургской камендацкой Фаменцын полк», 1726 г. 372 л.

РГАДА ПК 1748 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2376. «Книга переписная мужского полу душ Новгородской губернии Олонецкого уезду ведения Олонецкой воеводской канцелярии государственных, монастырских и помещицким крестьяном». 1748 г. 1180 л.

РГАДА ПК 1749 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2384. «Книга переписная Новгородской губернии по городу Олонцу и его уезду имеющимся при соборной, приходских и ружных церквах, также и при монастырях, действительных священно- и церковно-служителям и их детям, учиненная в 1749 году». 69 л.

РИБ 1897 – Русская историческая библиотека. СПб., 1897. Т. 16. Русские акты Копенгагенского архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым.

Самоквасов 1909 – Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М.: Тип. Имп. Московского ун-та, 1909. Т. 2. Ч. 2. С. 346–396. «Платежная книга Корельской половины Вотской пятины выборного головы Корельской половины Федора Васильевича Калитина», начало 1570-х гг.

СГГД 1813, 1 – Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1.

Якубов 1897 – Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. Сборник материалов, извлеченных из Московского Главного архива Министерства иностранных дел и Шведского Государственного архива и касающихся истории взаимоотношений России и Швеции в 1616–1651 годах. М., 1897.

Литература

Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М.: Издание Имп. о-ва истории и древностей российских при Московском ун-те, 1909. Т. 1. Областное деление Поморья. Землевладение и общинный строй. Органы самоуправления; 1912. Т. 2. Деятельность земского мира. Земство и государство.

Бубрих Д. В. Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных // Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР. 1948. № 3. С. 42–50.

Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжсина А. В. Диалектологический атлас карельского языка / Ред. Лиэна Сарвас. Helsinki: Финно-угор. о-во, 1997. 10 с. + 209 карт.

Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII в. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 492 с.

Жуков А. Ю. История карелов Поморья и Беломорской Карелии в свете новых источников конца XVII – XVIII вв. // Вепсы, карелы и русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. С. 46–58.

Жуков А. Ю., Кораблев Н. А., Макуров В. Г., Пулькин М. В. Ребольский край. Исторический очерк. Петрозаводск, 1999.

Жуков А. Ю., Ляля Е. В. Волостная и церковно-приходская структура Карельского Поморья, конец XV – середина XVIII вв. // Тр. КарНЦ РАН. 2012. № 4. С. 74–84.

Зайков П. М. Диалектология карельского языка / Karjalan kielen murteoporia. Петрозаводск / Petroskoi: ПетрГУ, 1987.

Зайков П. М. Глагол в карельском языке (грамматическая категория лица – числа, времени и наклонения). Петрозаводск: ПетрГУ, 2000.

Илюха О. П., Антощенко А. В., Данков М. Ю. История Костомукши. Петрозаводск: МЕГА-ПРЕСС, 1997.

Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л. Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. 479 с.

Новикова О. Л. О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 214–254.

Родионова А. П., Нагурная С. В., Чикина Н. В. Людики: вопросы сохранения языка и культуры. Исследования и материалы. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017.

Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1950. С. 153–154. Протест сумского воеводы шведским властям, 7 сентября 1611 г. (публикация и новая датировка).

Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке / Исследования по русской истории. Вып. 8. М.: Археографический центр, 1997.

Сведения об авторе. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории, ИЯЛИ КарНЦ РАН.